

даться на бой с вторгшимися во Владимирско-Суздальскую землю войсками. Очередь дошла и до старого боярина Андрея Станиславича, которого все считали выжившим из ума от старости („яко от старости и мало смыслить“), а поэтому спрашивавшие его — „не прилежно вопрошаху его“. Андрей Станиславич произносит длинную речь, в которой просит извинить его за то, что скажет, может быть, не так, как следует („яз стар и мало смыслю уже“), а затем предлагает заключить мир, отдать старейшинство Константину, отпустить новгородцев „и чюжих не возхищати“ — блюсти только принадлежащее себе. В заключении своей речи Андрей Станиславич призывает князей не кичиться обилием своего войска: „о сем убо не зрите, яко мало их есть воинство, а вашего воинства много и безчислено, но убо не забывайте, яко Ростиславле племя князи мудры и храбры, а Новгородци, и Псковичи, и Смолняне усердии суть к бою, а самого князя Мстислава Мстиславичя и сами весте, каков есть, и яко от бога дана ему храбрость паче всех“. Самое замечательное в речи этого боярина Андрея Станиславича — это напоминание Юрию и Ярославу о богатырях Константина: „и есть у него мужи храбри зело и велици богатыри, яко лвы и яко медведи,¹ не слышат бо на себе ран... и храбрых ныне не веси у него Александра Поповичя и слугу его Торопа, и Добрыню Рязаничя Златаго поаса и Нефедья Дикуна“.

Эта пространная речь Андрея Станиславича находит себе некоторую параллель в выступлении на пиру боярина Творимира в предшествующих летописных описаниях битвы на Липице. Однако в Никоновской летописи резче подчеркнута ярость Юрия,² и успокаивающие речи бояр³ присочинены вновь. Выступление боярина, похвалившегося закидать седлами врагов, развито: боярин обещает не только закидать седлами врагов, но и кулаками побить их, даже если на помощь им придет „вся земля Половецкая“.

Весь этот эпизод не может считаться только результатом развития предшествующего летописного рассказа о похвальбе братьев-князей суздальцев на пиру перед битвой на Липице. Если бы это было так, — нам была бы непонятна необходимость заменить боярина Творимира боярином Андреем Станиславичем,⁴ и добавить ряд явно эпических подробностей: на пиру

¹ Ср. выше добавление в речи князя Ярослава: „но убо и сего не весте от великиа вашиа глупости, яко далече есте зашли, яко овцы ко лвоу, яко теленки к медведем...“

² „О сем зело разъярися и разсверепе, и начя сюду и сюду метатися, яко зело не люба бысть ему речь сиа“.

³ „Что, княже, о сем скорбиши; не веси ли, яко без ума есть сей от старости, не весть, что глаголеть“.

⁴ Возможно, что в первоначальном рассказе о Липицкой битве в своде 1448 г. имя боярина Творимира не читалось. Летописец мог принять за него слова, сохранившиеся ныне в Софийской первой летописи, с которыми боярин обращается к суздальцам „Твори мир, князь Юрьи и Ярослав“ (Софийск. I, изд. 1925 г.) Однако могло быть и обратное; т. е. имя боярина Творимира было воспринято составителем Софийской